

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО: ФЕНОМЕНЫ, СМЫСЛЫ, ПОТЕНЦИАЛ

Уральское отделение Российской академии наук
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
Фонд поддержки культурных проектов «Новая коллекция»

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО: ФЕНОМЕНЫ, СМЫСЛЫ, ПОТЕНЦИАЛ

Под ред. И. К. Кирьянова, К. В. Киселева, В. С. Ковина

ПЕРМЬ
2019

Ответственные редакторы:
И. К. Кирьянов, д. и. н.,
К. В. Киселев, к. филос. н.,
В. С. Ковин, к. и. н.

Рабочая группа:
Руководители проекта: к. полит. н. О. А. Рябова и Л. А. Орлова,
координатор проекта Р. И. Петрова, корректор С. В. Глотова,
дизайнер-верстальщик А. Н. Кузнецова.

Авторский коллектив:
В. Д. Бедерсон – Гл. 2 (Ч. III); А. Б. Белоусов – Гл. 3 (Ч. I); Д. Б. Вершинина – Гл. 7 (Ч. III);
И. К. Кирьянов – Гл. 2 (Ч. II), Предисловие, Послесловие; К. В. Киселев – Гл. 4 (Ч. III),
Предисловие, Послесловие; В. С. Ковин – Гл. 3 (Ч. III), Предисловие, Послесловие;
И. С. Кучанов – Гл. 5 (Ч. III); Г. М. Михалева – Гл. 8 (Ч. III); Д. Е. Москвин – Ч. IV;
Л. А. Орлова – Ч. IV; Е. В. Потапов – Гл. 2 (Ч. I), Гл. 1 (Ч. III); В. Н. Руденко – Гл. 1 (Ч. II);
О. А. Рябова – Гл. 4 (Ч. II); С. В. Рязанова – Гл. 6 (Ч. III); Л. Ю. Салмин – Гл. 1 (Ч. I);
А. В. Скиперских – Гл. 3 (Ч. II).

Рецензенты:
А. А. Керимов, д. полит. н., доцент (Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина)
Л. Г. Фишман, д. полит. н., профессор РАН (Институт философии и права УрО РАН)

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО: ФЕНОМЕНЫ, СМЫСЛЫ, ПОТЕНЦИАЛ /

Под ред. И. К. Кирьянова, К. В. Киселева, В. С. Ковина. – Пермь, 2019. – 234 с.

ISBN 978-5-6791-2524-9

Монография является продолжением издания «Визуализация выбора: история и современное состояние предвыборной агитации в России» (под ред. К. В. Киселева, О. Б. Подвинцева, О. А. Рябовой, Пермь, 2016 г.), которое стало первой в России фундаментальной научной работой, посвященной проблемам визуальной репрезентации политических процессов.

В основе монографии – материалы Второго пермского форума «Визуализация выбора: политическая агитация как наука и искусство» и научно-художественной выставки #ТвояИллюзия (Пермь, 15 мая – 5 июня 2018 г.). В работе представлены различные варианты описания и анализа визуальной составляющей политического. Почему Россия находится на периферии тенденций визуализации политического? Каковы причины деградации политического в российской политической рекламе? Почему в России не носят политические значки? Как развивается политическая фотография? Это только малая часть вопросов, ответить на которые пытаются авторы монографии.

Монография адресована экспертам в области политологии, политической истории, политической рекламы, искусствоведения, а также всем понимающим, что политическое всё больше становится визуальным, а визуальное всё чаще и всё в более неожиданных формах преодолевает границы политического.

УДК 324
ББК 66.05

©УрО РАН, 2019 @ПФИЦ УрО РАН, 2019
© Авторский коллектив, 2019

Памяти Олега Борисовича Подвинцева посвящается

6	ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	1	часть РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ	2	часть ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО
8	ПРЕДИСЛОВИЕ	12	ГЛАВА 1 Видимость и невидимость как концепты политики	44	ГЛАВА 1 Голод и визуализация государственности: продовольственные карточки Варшавы 1915–1921 годов
		25	ГЛАВА 2 Российская политика: не востребо- ванность и второстепенность визуального	68	ГЛАВА 2 Пиджак в парламенте: от модерна к постмодерну
		35	ГЛАВА 3 Деградация визуального поля политики	78	ГЛАВА 3 Герои нашего времени: мемориаль- ная политика в российской провин- ции (на примере Липецкой области)
				93	ГЛАВА 4 Визуализация государственной политики на спортивных знаках СССР

СОДЕРЖАНИЕ

3 часть

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ: ПОИСК ФОРМЫ И ДИНАМИКА СОДЕРЖАНИЯ

- 106** ГЛАВА 1
Политический портрет: методика
и практика фотографического
искусства
- 116** ГЛАВА 2
Современные сериалы
и политические теории
- 126** ГЛАВА 3
Избирательный бюллетень как
визуальный феномен
электоральной политики
- 157** ГЛАВА 4
Политические значки: функции
и типология визуальных практик
- 169** ГЛАВА 5
Открытка как инструмент
предвыборной агитации (по
материалам коллекции ГПИБ России)
- 181** ГЛАВА 6
Образ РПЦ в Рунете: к политической
реальности через социальный миф
- 197** ГЛАВА 7
Power Dressing: женские визуальные
образы как политические символы
в XX веке и сегодня
- 209** ГЛАВА 8
Образ женщины-политика в Европе
и России

4 часть

ТВОЯ ИЛЛЮЗИЯ

220

230 ПОСЛЕСЛОВИЕ

233 ОБ АВТОРАХ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Рада представить вам очередной плод сотрудничества ученых, политиков и деятелей искусства, который созрел в общем научно-художественном пространстве Второго пермского форума «Визуализация выбора: политическая агитация как наука и искусство» и выставки #ТвояИллюзия (Пермь, 15 мая – 5 июня 2018 года). Для коллектива нашего фонда «Новая коллекция» почетно, что Центр городской культуры во второй раз стал площадкой для подобного многогранного проекта. В этот раз мы вышли за рамки темы российских выборов и обратились к иным, более разнообразным визуальным пространствам, где может обретать политика, – от архитектурных пространств прошлого до популярных сериалов настоящего, от самопрезентации политиков в пространстве парламентов до конструирования их виртуальных образов в пространстве социальных сетей. Научный форум и художественная выставка продемонстрировали, что эволюция характера власти, динамика отношений между человеком и властью и изменения в стилистике их эстетического выражения неразрывно связаны между собой. Причем визуальное оформление политических пространств, пространств власти может как соответствовать современным эстетическим вкусам и запросам общества, так и существенно расходиться с ними, быть как чрезмерно устаревшим, традиционалистским, так и, наоборот, быть весьма актуальным и прогрессивным.

К сожалению, мой собственный опыт политической деятельности позволяет говорить о том, что пространство современной российской политики внешне выглядит крайне несовременно. В частности, это касается мест присутствия органов власти – как государственных, так муниципальных. Здания, в которых располагаются органы власти, как правило, достались им от советской эпохи. И когда человек попадает внутрь них, в это настоящее «пространство власти», окунается в их атмосферу, то он, вольно или невольно, сталкивается с тем «советским духом», который по-прежнему там стоит. Все эти красные ковровые дорожки, толстые

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

и вечно закрытые двери, большие приемные с важными секретарями, массивные дубовые столы в кабинетах со стульями, за которыми неуютно сидеть, внушительные хозяйские кресла, географические карты на стенах, стеллажи, заполненные для красоты книгами... Всё это никуда не делось. Внимательное отношение к этой эстетике, к её визуальным проявлениям позволяет увидеть, как глубоко в нашем сознании засела советская эстетика власти, эстетика, которая была выработана советской бюрократией, советской номенклатурой.

Всё это постсоветское наследие, одобренное современной техникой и отделочными материалами, оказывает влияние на характер отношений между пришедшими сюда «простыми людьми» и находящейся здесь «властью», а также между теми, кто обитает в самих «коридорах власти». Этот постсоветский номенклатурный «дизайн» постоянно как бы создает и поддерживает некий барьер между «посетителем» и «хозяином», между «гражданином» и «властью». Обстановка этих пространств словно призвана порождать у человека ощущение, что его пустили в «святая святых», что до его проблем снизошли. Человек чувствует себя здесь некомфортно, не на равных.

Одним из значимых элементов этих властных пространств являются многочисленные большие и маленькие приемные, где обязательно будет сидеть солидная дама или молодая девушка, где тебя обязательно попросят какое-то время подождать, пока не освободится представитель власти. В век современных коммуникаций и средств связи, интернета, когда можно записаться на прием без участия человека, самостоятельно выстроить свой рабочий график при помощи специальных автоматизированных программ, а какой-то вопрос возможно обсудить посредством электронной почты, мессенджеров и социальных сетей, большие начальственные приемные выглядят анахронизмом.

Другой заметной чертой таких постсоветских пространств власти является то, что они состоят почти исключительно из кабинетов, коридоров и переходов

между ними. В отличие, например, от европейских зданий государственных и муниципальных органов власти, в наших «администрациях» и «думах» практически нет общественных пространств – мест, где бы посетители могли отдохнуть, пообщаться, поговорить, с участием или без участия чиновников, переговоры или встречи, что-либо общественно значимое обсудить за круглым столом. Этого почти ничего нет. Везде только кабинеты и коридоры. Власть как бы говорит, что гражданину незачем сюда приходить, кроме как для того, чтобы попасть на прием к какому-то из её представителей. Власть как бы сама перестала быть общественным пространством. Она закрылась, отгородилась от общества вахтами, охранниками, пропускными системами, электронными замками.

Еще одна характерная черта – это стандартизация, единообразие эстетических и визуальных решений этих пространств власти. Сотрудники, которые обитают в таких номенклатурных «коридорах власти», естественно, должны и выглядеть соответствующе: строгий и стандартный деловой стиль, не допускающий каких-то вольностей и излишеств, какого-то разнообразия и индивидуального своеобразия. При этом люди и общество вокруг власти сильно изменились, они стали очень разными, они разнообразно выглядят. Современная «гражданская» эстетика, безусловно, стала намного более демократичной и вариативной – от татуировок и яркоокрашенных волос до дорогих хипстерских костюмов. Тем заметнее стал внешний, визуальный контраст между строгой, завернутой в однотонные костюмы властью и очень разноцветным и свободным в стилях самовыражения обществом. Особенно это нелепо выглядит на местном уровне власти – самой близкой к населению и в основном состоящей из таких же простых граждан.

Почему так происходит? Почему воспроизводится советская эстетика? Возможно, одна из причин в том, что состав «власти», номенклатуры и бюрократии не сильно изменился. Люди, обитающие в её коридорах, воспроизводят тот опыт властных взаимоотношений, с которым они столкнулись много лет назад и который остался в их коллективной памяти. И это несмотря на то, что многие из них бывали в европейских и других демократических странах и видели, как отличаются те пространства вла-

сти. Другая причина может таиться в закрытости и оторванности от общества самой существующей власти.

В любом случае материалы, представленные в этом издании, показывают, что смена отношений в обществе всегда сопровождается сменой эстетики пространств власти, визуальных приемов и способов её самовыражения. Как только мы увидим другие кабинеты и общественные места – значит что-то в нашем обществе изменилось. Надеюсь, что весьма скоро пространства власти станут пространствами для людей.

Надежда Агишева,
депутат Пермской городской Думы,
учредитель фонда «Новая коллекция»,
Центра городской культуры

ПРЕДІСЛОВІЕ

В 2016 году увидела свет монография «Визуализация выбора: история и современное состояние предвыборной агитации в России», созданная коллективом авторов по итогам научного форума «Предвыборная агитация как наука и искусство». Форум был проведен по инициативе доктора политических наук, профессора О. Б. Подвинцева в апреле – мае 2015 года Пермским научным центром УрО РАН совместно с Фондом культурных проектов «Новая коллекция» при поддержке регионального Министерства образования и науки.

Издание получило высокую оценку в профессиональных сообществах ученых-политологов и политконсультантов. Фактически это была первая монография в отечественной политической науке, посвященная из-

учению визуальной составляющей в политической рекламе и политике в целом. Исключительно благоприятные отзывы на монографию подтвердили актуальность и эвристичность исследований визуальной проявленности политического.

Именно поэтому О. Подвинцев с коллегами инициировал проведение нового научного форума по политической визуалистике – «Визуализация образа современного политического деятеля: Россия и мир», который состоялся в мае – июне 2018 года уже без участия Олега Борисовича, скончавшегося в апреле 2018-го. И сам прошедший форум, и настоящая монография посвящены памяти настоящего ученого, нашего друга и коллеги Олега Борисовича Подвинцева.

Визуальный поворот в гуманитарных исследованиях наметился еще в 70-х годах прошлого века. Основой этого поворота стало колоссальное расширение сферы визуального в общественной и приватной жизни. И хотя в 70-е в политике бал всё еще правил текст, но начало прорыва визуального в политику было положено. Овладение визуальным повседневности постепенно создавало основания для подчинения визуальному и самой политике. Окончательное торжество визуального случилось одновременно с появлением и расширением интернета и социальных сетей. Теперь от сети Instagram, по сути своей визуальной, видеохостинга YouTube не свободен практически ни один политик. Даже в ультраконсервативном Иране, где запрещен Facebook и иные сети, кандидаты в президенты на выборах в 2017 году были вынуждены использовать популярный в этой стране Instagram. Стремление победить было сильнее запретов и ограничений. Всё более визуальными становятся также «ВКонтакте» и Facebook. Количество визуальных Telegram-каналов растет экспоненциально. В политической рекламе всё меньше становится текста, всё больше визуального. Всё большее внимание уделяется оформлению пресс-конференций,

брифингов, презентаций, инаугураций и иных политических мероприятий. «Картинка» постепенно становится важнее текста, точнее, сама становится текстуальной, содержательной.

Визуальное стало политической повседневностью. Визуальные образы – это уже не просто приложение к тексту, но часто основная форма политической репрезентации. С другой стороны, политическое, проявляя себя через визуальные образы, символы и знаки, и само вынуждено изменяться. Новая визуальная реальность, политические визуальные технологии стали не просто привычными, но изменяющимися настолько быстро, что научные описание и анализ часто не успевают за их динамикой.

Впрочем, еще до 70-х годов, до визуального прорыва и в реальности, и в науке, в сфере политического визуальная коммуникация всегда играла существенную роль: от церемониалов власти фараонов в Древнем Египте до восстания «желтых повязок» в Древнем Китае, от рисунков на «летучих листках» периода Реформации и крестьянской войны в Германии до флэгговского дядюшки Сэма. Сегодня же плотность визуального в политике просто огромна: от инаугураций нынешних глав

государств до протестного движения «жёлтых жилетов» в современной Франции, от аккаунтов в Instagram президентов и членов их семей до современного предвыборного плаката.

На этом фоне российская политическая традиция основывалась преимущественно на «культуре слова», текстуальности. И всё же визуальность присутствовала. Например, публичная политика, будучи феноменом, сформировавшимся в позднеимперской России, изначально сочетала в своей презентации вербальное и визуальное. На это указывает и широкое распространение сатирических журналов в период революции 1905–1907 годов, и наглядная агитация в ходе первых парламентских выборов в начале 1906-го, и киносъемка императорского приема в Зимнем дворце членов Государственной Думы и реформированного Государственного Совета 27 апреля 1906 года, ставшая первым отечественным опытом киносъемки в закрытых помещениях. Но эти прорывы визуального в российской политике общую картину доминирования текста существенно не меняли.

Такая ситуация не могла не сказаться и на явно запоздалой научной рефлексии. В России первый журнал, посвященный визуальности, появился лишь в 2014 году. Им стал томский «ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики». Тогда как в Европе начало исследованиям визуализации политического было положено в 1924-м, когда, пусть и на основе нарративных источников, французским историком М. Блоком была опубликована монография «Les rois thaumaturges: Étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale, particulièrement en France et en Angleterre». В этой работе, заложившей основы исторической антропологии и знаменитой школы «Анналов», на примере королевского обряда исцеления золотушных анализировались обряды и церемонии, посредством которых монархи являли себя подданным и благодаря которым складывался образ власти в глазах населения.

Очередной попыткой восполнить научный вакуум в изучении визуальности в политике и является предлагаемая читателю монография.

Авторы книги – ученые, чья деятельность связана с политическими, культурологическими и исторически-

ми исследованиями, а также политическим консультированием. Тексты, составившие монографию, охватывают широкий круг вопросов: от видимости/невидимости как концептов политики и деантропологизации политической визуальной рекламы до анализа надписей на избирательных бюллетенях и функций политических значков. Но, пожалуй, самой принципиальной является проблема, объединяющая все тексты, поиску решений которой эти тексты и посвящены: в чем отличие российской визуальной политики? каковы тенденции развития политической визуальности в России? сможем ли мы интегрироваться в общемировой визуальный контекст политики?

Особую благодарность авторы выражают Надежде Агишевой, под патронажем которой в Перми прошли Второй форум по политической визуальности «Визуализация образа современного политического деятеля: Россия и мир», выставка #ТвояИллюзия, а также издается эта монография.

*Игорь Кирьянов,
доктор исторических наук, доцент, заведующий
отделом по исследованию политических институтов
и процессов Пермского федерального
исследовательского центра Уральского отделения РАН*

*Константин Киселев,
кандидат философских наук, доцент,
депутат Екатеринбургской городской Думы*

*Виталий Ковин,
кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник отдела по исследованию политических
институтов и процессов Пермского федерального
исследовательского центра Уральского отделения РАН*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ

ГЛАВА 1

Видимость и невидимость
как концепты политики

ГЛАВА 2

Российская политика: не востребованность
и второстепенность визуального

ГЛАВА 3

Деградация визуального поля политики

ВИДИМОСТЬ И НЕВИДИМОСТЬ КАК КОНЦЕПТЫ ПОЛИТИКИ

ЧАСТЬ I.
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО:
К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ

ГЛАВА 1

НА СВЕТУ И В ТЕМНОТЕ

Во все времена быть политиком – значит видеть. Зрение политика может быть внешним, основанным на природной оптике глаза, а может быть внутренним, мобилизуя способность воображения и представления.

Политик, наделенный воображением, способен видеть в темноте и визуализировать невидимое, в конце концов превращая его в зримое достояние национальной истории. Таким, вероятно, было политическое зрение правителя Израильского царства царя Соломона или, тысячелетие спустя, римского императора Адриана, оставивших после себя такие визуально-пластические символы своего правления, как Первый Иерусалимский храм и Пантеон в Риме. И хотя первый до наших дней не сохранился, а второй мы имеем возможность видеть и чувствовать во всей телесности его великой архитектуры, значение того и другого в мировой истории политических визуализаций равно фундаментально.

Совсем другое дело – политик, доверяющий лишь физике собственного глаза и опирающийся на «оче-видность». Он стремится вытеснить из политического пространства всё, что не попадает в поле его зрения, всё, что выходит за пределы его кругозора и возможности зрительного контроля.

Политика всегда связана со зрением. Современный политический дискурс оперирует огромным разнообразием явлений, относящихся к сфере визуального. Легко улавливаемая политическая семантика таких понятий, как взгляд, точка зрения, зрелищность, прозрачность, видимость и т. п., свидетельствует о тесной смысловой связи политических и визуальных практик, о том, что не просто политическая риторика, но вся система политических представлений опирается на фундамент оптического образа мира.

Визуальность пронизывает политику во всех её составляющих. Любые политические действия, конструкции, формы, любые фигуры поведения тех или иных политических субъектов подчиняются законам зрения, видения, визуализации и визуальной коммуникации. При этом пространство политической визуальности простирается между полюсами абсолютной видимости и абсолютной невидимости. По сути, политика как бы самоопределяется между этими полюсами, понимая видимость и невидимость как ключевые концепты самой себя.

Современные политические практики осуществляются людьми, чей опыт зрительного восприятия сформирован в условиях нарастающей экспансии средств искусственного освещения. Это поколение, для которого граница между естественным солнечным светом и искусственным, техногенным ресурсом электрического освещения уже давно размыта, а если и ощутима, то разве что через всё более легкое прикосновение к кнопке выключателя. Легкодоступность освещения и, следовательно, возможность постоянного и беспрепятственного зрительного восприятия окружающей среды определили внешнее, видимое глазом, визуально доступное и контролируемое в качестве основы позитивного политического образа мира. Свет понимается как положительный полюс социальной жизни, культуры и политики. Свет (в его политико-символической интерпретации) концентрирует в себе значения истины, правды, добра, справедливости и т. п. Темнота же как область невидимого, как пространство сокрытого приобрела в парадигме «светлого мира» негативное значение территории зла. Современная политическая риторика использует актуальное поле политического напряжения.

Разумеется, такая оптико-символическая картина мира не нова. Отношения света и тьмы на протяжении тысячелетий понимались в культуре мифологически, религиозно-этически, эстетически. Политическая оптика лишь подхватывает историческую традицию. Однако, подхватывая эту традицию, политическое зрение цепляется за видимость, но не наследует смысл.

Всего лишь тысячелетие назад отношения света и темноты, видимого и невидимого имели для человека глубочайший мировоззренческий и нравственный смысл. Мир невидимого был куда более важным, куда более протяженным, куда более населенным и многообразным, чем мир видимого. Видимое, всецело принадлежащее бренной жизни, краткой и несовершенной, не могло сравниться в значимости с незримой вечностью, с тем пространством бессмертия души и духа, что не дано оптическому, телесному зрению и что определяет способность коммуникации индивидуального и коллективного человеческого сознания с запредельным. Именно непреходящая актуальность запредельного мира с его эсхатологической перспективой и общественно-конвенциональным планом спасения определяла невидимое как фундаментальный религиозный, нравственный и политический концепт в европейской культуре со времени средневековья. Для средневекового сознания, привычно апеллирующего к незримым трансцендентным сущностям, сама по себе невидимость запредельного мира была, вероятно, не менее естественна, чем видимость повседневности.

В наши дни невидимое как концепт политики имеет совсем иные смыслы. Под невидимым современный субъект политики понимает уже вовсе не тот запредельный мир, который представал внутреннему зрению средневекового человека и с которым посредством многообразных практик культуры выстраивалась сложнейшая коммуникация. Для современной политики невидимое – это всего лишь зрительно недоступное, то, что остается за пределами властного (или, напротив, оппозиционного) контроля, что ускользает из поля зрения политических институций, не поддается привычной визуализации и присутствует в актуальном политическом дискурсе лишь в виде своего рода «слепых пятен».

В политическом контексте невидимое парадоксально сочетает в себе пугающее и притягательное. С одной стороны, всякая политика, стремящаяся строить свои практики на основе усиления контроля и на расширении подконтрольного пространства, исповедует гипертрофированно преувеличенную ценность безопасности и, как следствие, идеологию тотальной прозрачности, всепронизывающего визуального наблюдения. С другой стороны, сама такая политика всеми силами стремится к собственной невидимости, к неподконтрольности своих мотивов, стимулов и механизмов.

Конечно, невидимость – отнюдь не новая ценность в истории политических практик. Однако важна логика этой ценности, историческая эволюция её смысла. Архаическая ценность невидимости политики в контексте религиозно-мифологического сознания во многом объясняется пониманием всякого политического действия как сакрального, потаенного. Перед лицом высших сил политическая практика сродни религиозному таинству. Даже осуществляя жестокую, полную насилия политическую линию, политик воспринимает себя предстоящим перед Богом, то есть ответственным за свои деяния в эсхатологическом смысле (*Рисунок 1*). Понятно, что многие века этот мотив невидимости благополучно уживался с инструментально-прагматическим её пониманием (ведь в техническом отношении невидимость во многих случаях увеличивает эффективность политических действий). Однако в двадцатом столетии произошла окончательная десакрализация политики, и вопросы политической ответственности и политического прагматизма разбежались по разным полюсам. В XX веке известные авторитарные политические режимы довели отношения видимого и невидимого в своих политических практиках до небывалого драматизма, высветив и визуализировав в зримых образах мифы о торжестве нового социального порядка и одновременно скрыв в темноте секретности и зрительной недоступности чудовищного масштаба преступления против человечности (crimes against humanity).

Рис. 1. Проект башни «Россия» для Москва-сити, разработанный бюро Нормана Фостера, предполагал использование света прожекторов для создания эффекта «достижения до небес» в темное время суток. Проект не был реализован. Начатое строительство по ряду причин было прекращено в 2008 году

Рис. 2. Конкурсный проект Дворца Советов архитектора Бориса Иофана – образ Вавилонской башни победившего коммунизма, получивший завершение в виде гигантской скульптуры Ленина, простершего руку к недостижимым небесным высям. Проект не был реализован

A large, stylized white number '2' is positioned on the left side of the page. The top curve of the '2' is white, while the bottom curve and the vertical stem are filled with a light gray color. The background of the entire page is a solid medium gray.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО

ГЛАВА 1

Голод и визуализация государственности:
продовольственные карточки Варшавы
1915–1921 годов

ГЛАВА 2

Пиджак в парламенте:
от модерна к постмодерну

ГЛАВА 3

Герои нашего времени: мемориальная
политика в российской провинции (на примере
Липецкой области)

ГЛАВА 4

Визуализация государственной политики
на спортивных знаках СССР

ГОЛОД И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ КАРТОЧКИ ВАРШАВЫ 1915–1921 ГОДОВ

ЧАСТЬ II.
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
ВИЗУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО

ГЛАВА 1

К СТОЛЕТИЮ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ

В данной главе рассматриваются вопросы визуализации польской государственности в период германской оккупации Царства Польского¹ (осень 1915-го – ноябрь 1918 года) и после восстановления польского государства – с момента введения карточной системы распределения продовольствия в октябре 1915-го до её отмены в июле 1921 года².

К концу июля 1915 года большая часть территории Царства Польского была оккупирована австрийскими и германскими войсками. 4 августа 1915-го российские войска оставили Варшаву. На территории Поль-

ши, оккупированной Германией, 24 сентября 1915 года было учреждено Имперско-германское генерал-губернаторство Варшавское (нем. Kaiserlich-deutsche Generalgouvernement Warschau), возглавляемое Гансом фон Безелером (нем. Hans Hartwig Beseler), с местопребыванием в Варшаве. В условиях военного времени продовольственное снабжение Варшавы было нарушено. Уже в сентябре – начале октября в местных газетах стали появляться сообщения о голодных обмороках на улицах столицы. В связи с этим новая администрация организовала систему карточного снабжения населения

* Глава подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00211 «Общественное согласие в России: механизмы идеологической и институциональной регуляции».

¹ Царство Польское было образовано на большей части Великого герцогства Варшавского после Венского конгресса 1815 года. Находилось в унии с Российской империей и занимало 10 центральных губерний по линии Варшава, Кельцы, Лодзь, Ломжа, Люблин, Калиш, Петроков, Плоцк, Радом, Седлец, Суwalkи. В быденном языке именовалось «конгрессовкой» или «конгрессовым королевством» (от слова «конгресс»). С 1867 года по инициативе императора Александра II полуофициально стало называться Привислинским краем. С 1874 года – административно-территориальная единица Российской империи – Варшавское генерал-губернаторство, формально остававшееся в составе Российской империи до 29 марта 1917 года – момента признания независимости Польши российским Временным правительством. В период германской оккупации Германской империей и Австро-Венгрией актом от 5 ноября 1916 года в пределах Царства Польского, но без определенных границ было образовано Королевство Польское (нем. Königreich Polen, польск. Królestwo Polskie). В нем действовала своя Конституция, принятая 12 сентября 1917 года. Была введена собственная валюта – польская марка. Государственное образование было признано только его учредителями. Оно управлялось регентским советом в составе трех регентов. Реальная власть принадлежала германскому генерал-губернатору. Вместе с тем оккупационными властями на подчиненных им территориях были предоставлены некоторые политические и социальные права и свободы. В частности, легитимация собраний общественности 3 мая каждого года; придание польскому языку государственного статуса, в том числе преподавание на польском языке в высшей школе; признание польской государственной символики; социальная поддержка всех слоев населения, в том числе через нормирование продовольствия. 6 октября 1918 года регентский совет объявил о создании независимого польского государства. 11 ноября 1918 года после капитуляции Германии регентский совет передал военную власть Ю. Пилсудскому, а через три дня – гражданскую власть, после чего был распущен.

² При подготовке справочных материалов по истории, наименованиям памятников архитектуры, биографическим сведениям в работе использована информация из «Википедии» – свободной энциклопедии.

Рис. 1. Продуктовая карта для иудеев с талоном на мацу (таса) на 64-й период распределения. Размер – 85 × 125 мм

ре после введения карточной системы полиция стала сообщать об участвовавших фактах производства и сбыта фальшивых хлебных карт. Они печатались подпольно в разных литографических мастерских. Тиражи этих карт были значительны. В частности, в одном из сообщений полиции в январе 1916 года извещалось об изъятии 1000 фунтов (410 кг) карт, предназначенных для передачи нелегальным торговцам для последующей реализации на черном рынке.

У подельников задержанных было изъято 36 пудов (576 кг) таких карт [O karty 2016, nr 170, 6]. Случаи массовой подделки карт зафиксированы и в последующие годы, несмотря на использование мер защиты карт (водяных знаков и др.) [см., в частности, Ekha 1918, nr 84, 4]. Даже в 90-м периоде сообщалось о крупных аферах с картами и их купонами на американскую белую муку, смалец и другие продукты [Fatszywe 1919, nr 92, 6].

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ: ПОИСК ФОРМЫ И ДИНАМИКА СОДЕРЖАНИЯ

ГЛАВА 1

Политический портрет: методика и практика фотографического искусства

ГЛАВА 2

Современные сериалы и политические теории

ГЛАВА 3

Избирательный бюллетень как визуальный феномен электоральной политики

ГЛАВА 4

Политические значки: функции и типология визуальных практик

ГЛАВА 5

Открытка как инструмент предвыборной агитации (по материалам коллекции ГПИБ России)

ГЛАВА 6

Образ РПЦ в Рунете: к политической реальности через социальный миф

ГЛАВА 7

Power Dressing: женские визуальные образы как политические символы в XX веке и сегодня

ГЛАВА 8

Образ женщины-политика в Европе и России

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ: МЕТОДИКА И ПРАКТИКА ФОТОГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

ЧАСТЬ III.
СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ
ВИЗУАЛИЗАЦИИ:
ПОИСК ФОРМЫ И ДИНАМИКА
СОДЕРЖАНИЯ

ГЛАВА 1

Существует достаточное количество фотографических портретов политиков разных стран и разных периодов, которые однозначно отнесены к произведениям искусства мирового значения. В качестве примеров можно привести портрет премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер – фотограф Хельмут Ньютон, портрет премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля – фотограф Юсуф Карш и портрет кубинского революционера Че Гевары – фотограф Альберто Корда (*Рисунки 1–3*).

Портрет Маргарет Тэтчер выставлен в National Portrait Gallery в Лондоне, присутствует в списках лотов ведущих мировых аукционных домов. Портрет Черчилля стал «культовым» в годы Второй мировой войны. Портрет Че Гевары – одно из самых тиражируемых и коммерчески востребованных изображений в мире.

Оценка этих фотографий показывает, что они, помимо художественных достоинств, которые едва ли поддаются формализации, имеют ряд формальных признаков, которые влияют на их продвижение в политическом пространстве. Во-первых, на фотографиях зафиксированы личности планетарного масштаба, личности, которые на момент создания фотографий уже были в фокусе внимания широкой общественности. Это обуславливает интерес публики, зрителя к ним. Во-вторых, фотографии смогли показать доминирующие свойства личности, раскрыть индивидуальность. Фотографы смогли реализовать свои творческие замыслы. В-третьих, данным фотографиям удалось победить в конкуренции изображений данных персон, выполненных другими фотографами.

*Рис. 1. Фотограф Хельмут Ньютон.
Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗНАЧКИ: ФУНКЦИИ И ТИПОЛОГИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ ПРАКТИК

ЧАСТЬ III.
СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ
ВИЗУАЛИЗАЦИИ: ПОИСК ФОРМЫ
И ДИНАМИКА СОДЕРЖАНИЯ

ГЛАВА 4

Политическое визуальное настолько многообразно и настолько часто представлено в городской среде, что мы часто его просто не замечаем. Мы привыкаем к политическому в архитектуре, начиная со стилистики и заканчивая малыми архитектурными формами. Мы воспринимаем памятники В. Ленину, Я. Свердлову или С. Кирову как элементы повседневного городского пейзажа. Государственные символы (гербы, флаги, штандарты и т. д.) часто становятся просто элементами декора, и глаз просто скользит по ним, сознание «не пробуждается». Изображение просто откладывается в копилку бессознательного. В период избирательных кампаний

перегруженность городского пространства различными визуальными формами настолько велика, что они перестают выполнять свои рекламные функции. Особенно в том случае, если они сделаны по стандартным лекалам. Часто и после окончания выборной кампании баннеры, растяжки и иные масштабные рекламные формы месяцами продолжают «радовать» глаз избирателя, который их просто игнорирует. Например, четыре желтые буквы «ЛДПР» на синем фоне давно стали просто частью ландшафта во многих городах, они не только не вызывают эмоций, но даже не «расшифровываются».

ВЫБОР РЕКЛАМНОГО ОБЪЕКТА МАЛОЙ ФОРМЫ

Чем больше избиратель привыкает к крупным рекламным формам, используемым в открытом городском публичном пространстве, тем важнее оказываются малые формы, применяемые для политической репрезентации. Таких форм огромное количество. Более того, каждый год кандидаты, партии, технологи и консультанты изобретают что-то новое. Ручки, блокноты, пакеты, магниты на холодильник, часы, зажигалки стали нормой. В крупных кампаниях в ход идут футболки, бейсболки, куртки, дождевики, шарфы и т. д. В межэлекторальный период избиратели могут получить именные водку, сигареты, шампунь, моющие средства и т. д. Соответственно, перед кандидатом всегда стоит вопрос выбора малых объектов, на которых стоит размещать свою рекламу (*Рисунки 1–4*).

Итак, каковы критерии выбора рекламного объекта? Какие факторы влияют на выбор объекта малой формы для визуальной политической репрезентации? Представляется, что можно выделить как минимум следующие основания выбора:

– цена. Это, пожалуй, самый важный фактор. Отсутствие денег отменяет сам выбор. Их избыток логично приводит к тому, что используются все возможные для размещения рекламы объекты;

– соответствие требованиям законодательства. Использование далеко не всех малых форм в электоральный период допускается законодательством. Например, средство для мытья посуды с эмблемой кандидата и/или избирательного объединения будет однозначно считаться подкупом избирателей (*Рисунок 5*);

Рис. 1. Рекламный брелок
 Рис. 2. Часы с рекламой «Единой России»
 Рис. 3. Рекламные ручки
 Рис. 4. Зажигалка с рекламой ОПС «Уралмаш»
 Рис. 5. Средство для мытья посуды с рекламой фонда Е. Зяблицева

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА В ЕВРОПЕ И РОССИИ

ЧАСТЬ III.
СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ
ВИЗУАЛИЗАЦИИ: ПОИСК ФОРМЫ
И ДИНАМИКА СОДЕРЖАНИЯ

ГЛАВА 8

Визуализация образа женщины в политике по-прежнему требует от женщины больше, чем от мужчины: нужно быть политиком, всё же оставаясь женщиной, – такова основная гипотеза этого небольшого исследования. Соответственно, для проверки гипотезы необходимо подтвердить или опровергнуть предположение, что в Европе с её политикой «бархатного треугольника» и *gender mainstreaming* внешность женщин-политиков имеет меньшее значение, особенно в её фемининной части, т. е. подчеркивании женственности, по сравнению с российскими женщинами-политиками. С другой стороны, подлежит доказыванию или опровержению мнение о том, действительно ли для российского избирателя важнейшее качество женщины-политика – внешние данные. На такое предположение наталкивает анализ различных российских сетевых ресурсов, которые пестрят фотографиями «самых красивых» и «самых сексуальных» женщин-политиков или же убеждают пользователей, что женщины-политики в Европе «страшные».

Для подтверждения или опровержения гипотезы было выбрано по 20 известных европейских и российских женщин-политиков. В их образах были выделены следующие параметры: наличие косметики, украшений и характеристики одежды (женственная, умеренно женственная или «унисекс»). При этом были проанализированы все фото, доступные в Сети (как правило, несколько десятков фотографий).

Баланс среди российских женщин-политиков выглядит следующим образом: 6 из 20 не пользуются косметикой; 5 из 20 не носят украшений; 5 одеваются в стиле унисекс.

При этом стоит отметить, что три женщины, полностью отказавшиеся от женской атрибутики, – это депутатки и космонавтки, «возрастные» В. Терешкова и С. Савицкая, а также губернатор Ханты-Мансийского округа Наталья Комарова. Не использует украшения и придерживается очень строгого стиля в одежде также депутатка Госдумы, бывшая прокурор Крыма Н. Поклонская.

Среди европейских женщин-политиков характеристики распределились следующим образом: из 20 только 2 не пользуются косметикой, одна пользуется, но умеренно; две не носят украшений, у одной они почти не заметны, три одеваются в стиле «унисекс»; у четырех одежда скромная, но подчеркивающая женственность. Среди европейских женщин полностью отказалась от всей женской атрибутики министр обороны Норвегии А.-Г. Стрем-Эриксен.

Как видим, европейские женщины-политики, как и российские, также не отказываются от своих женских атрибутов. И совсем не случайно, что и европейские женщины-политики, и российские постоянно попадают в списки «самых красивых» [например, Самые красивые...] и «самых сексуальных» женщин-политиков. Например, Колинда Грабар-Китарович, президент Хорватии, снимки которой в бикини стали достоянием общественности, часто заслуженно оказывается на первом месте в такого рода рейтингах, как по статусу, так и по внешним данным. С другой стороны, итальянская депутатка, вице-президент палаты депутатов Мария Розария Карфанья, хотя работала ранее в качестве фото-модели, но в парламентской деятельности, тем не менее использует свои внешние данные весьма умеренно, не подчеркивая их броской одеждой.

Особое внимание стоит обратить на женщин, занимающих ключевые позиции в мировой политике: канцлерин Германии Ангелу Меркель и премьер-министра Великобритании Терезу Мэй. Проанализируем, как выстраиваются образы этих наиболее влиятельных европейских женщин-политиков.

Стиль Ангелы Меркель подчеркнуто деловой. Она почти всегда в брюках, которые практически всегда сочетает с длинным одноцветным ярким жакетом. При этом А. Меркель всегда использует минимум украшений: бусы или цепочку. Косметику применяет очень дозированно (Рисунки 1 и 2).

Рис. 1. Ангела Меркель на саммите G20

Рис. 2. Ангела Меркель на саммите ЕС

Тереза Мэй не чурается ярких крупных аксессуаров. В её «арсенале» также бусы, ожерелья, платки. Она подчеркнуто броско одевается, пользуется яркой косметикой. Как отмечает специалист в области моды Ольга Трухина: «Одним из любимых цветов Т. Мэй является красный, и зачастую, собираясь на собрания Консервативной партии, она выбирает обувь именно этого цвета (в то время как официальным цветом партии тори является синий). Как признается сама Т. Мэй, это её невербальный способ противопоставить себя закостенелой политике своей партии» [Трухина] (Рисунок 3).

Рис. 3. Президент США Дональд Трамп приветствует Терезу Мэй в Белом доме, 27 января 2017 г.

БЛАГОДАРНОСТИ

Издание монографии было бы невозможно без поддержки:

**НАДЕЖДЫ АГИШЕВОЙ,
ФОНДА «НОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ»
И ЦЕНТРА ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ,**

депутата Пермской городской Думы
АЛЕКСАНДРА БУТОРИНА,

общественного деятеля
КОНСТАНТИНА ОКУНЕВА,

Московского бюро Фонда им. Фридриха
Науманна

и лично **ГАЛИНЫ КОЗЛОВОЙ**
(нашего партнера при проведении
Второго пермского форума «Визуализа-
ция выбора: политическая агитация как
наука и искусство», материалы которого
легли в основу данного издания).

Авторский коллектив также выражает
благодарность за помощь в подготовке
монографии доктору политических
наук **ПЕТРУ ПАНОВУ** и коллекционеру
БОРИСУ ГАЛКИНУ.

ОБ АВТОРАХ

БЕДЕРСОН ВСЕВОЛОД ДМИТРИЕВИЧ

кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного национально-го исследовательского университета

БЕЛОУСОВ АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ

кандидат политических наук, научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН

ВЕРШИННА ДАРЬЯ БОРИСОВНА

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии Пермского государственного национального исследовательского университета

КИРЬЯНОВ ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ

доктор исторических наук, доцент, заведующий отделом по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН

КИСЕЛЕВ КОНСТАНТИН ВИКТОРОВИЧ

кандидат философских наук, доцент, председатель Совета Уральской гильдии политических консультантов, депутат Екатеринбургской городской Думы

КОВИН ВИТАЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН

КУЧАНОВ ИЛЬЯ СЕМЕНОВИЧ

кандидат исторических наук, главный библиотекарь Государственной публичной исторической библиотеки России

МИХАЛЕВА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор философии (Бременского университета), доктор политических наук, профессор факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета

МОСКВИН ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

кандидат политических наук, куратор выставки #ТвояИллюзия (2018 год)

ОРЛОВА ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВНА

программный директор Гражданских сезонов «Пермские дни памяти»

ПОТАПОВ ЕВГЕНИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

политический консультант, член Российской ассоциации по связям с общественностью, старший преподаватель Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)

РУДЕНКО ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ

доктор юридических наук, профессор, академик РАН. Институт философии и права Уральского отделения РАН

РЯБОВА ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА

кандидат политических наук, научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН

РЯЗАНОВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН

САЛМИН ЛЕОНИД ЮРЬЕВИЧ

кандидат искусствоведения, профессор кафедры графического дизайна УралГАХУ, дизайнер, культуролог

СКИПЕРСКИХ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук ЕГУ им. И. А. Бунина

Уральское отделение Российской академии наук
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
Фонд поддержки культурных проектов «Новая коллекция»

Научное издание

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО: ФЕНОМЕНЫ, СМЫСЛЫ, ПОТЕНЦИАЛ

Под ред. И. К. Кирьянова, К. В. Киселева, В. С. Ковина

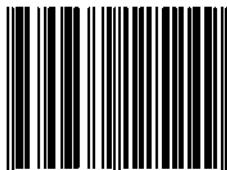
В. Д. Бедерсон – Гл. 2 (Ч. III); А. Б. Белоусов – Гл. 3 (Ч. I); Д. Б. Вершинина – Гл. 7 (Ч. III); И. К. Кирьянов – Гл. 2 (Ч. II), Предисловие, Послесловие; К. В. Киселев – Гл. 4 (Ч. III), Предисловие, Послесловие; В. С. Ковин – Гл. 3 (Ч. III), Предисловие, Послесловие; И. С. Кучанов – Гл. 5 (Ч. II); Г. М. Михалева – Гл. 8 (Ч. III); Д. Е. Москвин – Ч. IV; Л. А. Орлова – Ч. IV; Е. В. Потапов – Гл. 2 (Ч. I), Гл. 1 (Ч. III); В. Н. Руденко – Гл. 1 (Ч. II); О. А. Рябова – Гл. 4 (Ч. II); С. В. Рязанова – Гл. 6 (Ч. III); Л. Ю. Салмин – Гл. 1 (Ч. I); А. В. Скиперских – Гл. 3 (Ч. II).

Рекомендовано к изданию решением
Объединенного ученого совета УрО РАН по гуманитарным наукам
и Уральским отделением РАН.

Ответственные редакторы *И. К. Кирьянов, К. В. Киселев, В. С. Ковин*
Руководители проекта *О. А. Рябова и Л. А. Орлова*
Координатор *Р. И. Петрова*
Корректор *С. В. Глотова*
Дизайн и верстка *А. Н. Кузнецовой*

Подписано в печать 17.12.2019.
Формат 63 × 82/12. Печать офсетная.
Тираж 200 экз. Заказ №.
Отпечатано в типографии «АСТЕР». 614064, г. Пермь, ул. Усольская, 15.

ISBN 978-5-7691-2524-9

9 785769 125249

«Современный этап развития политики, политической рекламы, политических технологий отчетливо требует новых визуальных решений, в том числе в практиках визуализации идентичности и/или техник современного политического электорального дизайна. Старые визуальные технологии, конечно, будут еще некоторое время доминировать, но новое визуальное уже прокладывает себе дорогу. Так или иначе, простор для развития креативных технологий визуализации политического в современных российских условиях открывается. Ситуация, я уверен, будет меняться. Осмыслить «старые, но добрые» визуальные практики и определить пути для «визуального нового» – наша научная цель».

*Олег Подвинцев (1962–2018),
доктор политических наук, профессор*